

ПАМЯТНОЕ

В.А. Кузьмин
Уральский университет

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ И ЕКАТЕРИНБУРГ

Любой столичный город неразрывно связан с внешней политикой государства. Екатеринбург, центр Уральского федерального округа, претендующий на право считаться третьей, евразийской, столицей России, оказывается, тоже имеет немало мест, связанных с внешней политикой страны. Прежде всего это его улицы, точнее – названия многих улиц.

В старейшей части Верх-Исетского района города расположена *улица Татищева*, названная в честь одного из основателей Екатеринбурга. «Птенец гнезда Петрова» Василий Никитич Татищев (1686–1750) был участником решающего сражения Северной войны, знаменитой Полтавской битвы (1709), в которой он сражался рядом с царем и был ранен шведской пулей у него на глазах. Участвовал Татищев и в неудачном для Петра I Прутском походе против турок (1711).

Находясь на государственной службе, Василий Никитич неоднократно (иногда подолгу) бывал за границей – в Польше, Пруссии, Мекленбурге, Саксонии, Швеции. Выполняя дипломатические и другие поручения Петра I и его сподвижников, он совершил поездки в Данциг (Гданьск), Бреслау (Вроцлав), Торунь, Дрезден, Кенигсберг, Берлин, Стокгольм. В 1718 г. в составе русской делегации Татищев участвовал в Аландском конгрессе, на котором выработывались условия мирного договора России с Швецией. Заседания конгресса проходили в деревне Варгад, расположенной на одном из Аландских островов, в доме, который специально был выбран Татищевым, предварительно посетившим с этой целью разные острова архипелага.

В 1737–1739 гг. Татищев был начальником Оренбургской экспедиции, а в 1741–1745 гг. возглавлял Калмыцкую комиссию и являлся губернатором Астраханского края. Деятельность Василия Никитича на этих постах была тесно связана с тогдашней политикой России в отношении народов Востока и Северного Кавказа – башкир, казахов, татар, туркмен, киргизов, калмыков, касалась отношений России с Персией, ханствами Центральной Азии, вызывала необходимость вступать в переписку с Коллегией иностранных дел.

Татищев – автор многотомной «Истории Российской с самых древнейших времен», собиратель старинных рукописей и книг, он предложил научное обоснование линии прохождения географической границы между Европой и Азией по Уральскому водораздельному хребту.

В Кировском районе Екатеринбурга, во Втузгородке пролегает *переулок Фонвизина*, названный в честь известного русского сатирика и драматурга XVIII в. Однако далеко не все горожане знают, что Денис Иванович Фонвизин (1744/5–1792), самый знаменитый и поныне из писателей «Века

Екатерины», пьеса которого «Недоросль» до сих пор не сходит со сцены российских театров, в 1769–1782 гг. был личным секретарем управляющего Коллегией иностранных дел («первоприсутствующего») Н.И. Панина.

Фонвизин поступил на службу в Коллегию в 1762 г. В архиве внешней политики Российской империи хранится подлинное его прошение о приеме на службу и дело «Об определении в Коллегию переводчиком бывшего лейб-гвардии Семеновского полку сержанта Дениса Фон-Визина 21 июля 1762 г». В деле отложились переводы (с французского, немецкого и латинского языков на русский, а также с русского на немецкий и французский), выполненные Фонвизиним при поступлении на работу в Коллегию иностранных дел. Таково было общее правило – будущие чиновники при поступлении в Коллегию сдавали «дипломатический экзамен». Для работы в Коллегии Панин подбирал сотрудников, которым мог доверять, обладающим высокой культурой и профессионализмом, он высоко ценил не только остроту политического мышления, но и умение четко и изящно излагать свои мысли. Впоследствии Фонвизин написал первый краткий очерк жизни «первоприсутствующего» в Коллегии иностранных дел, сказав немало теплых слов о Н.И. Панине.

Работая в Коллегии, Фонвизин ведал перепиской с российскими представителями при европейских дворах. Находясь в августе 1778 г. в Париже, Д.И. Фонвизин имел встречу с послом США во Франции Б. Франклином, выдающимся американским ученым, писателем, политическим деятелем, участником подготовки Декларации независимости США. «Представитель юного просвещения России был собеседником с представителем юной Америки», – писал много позднее об этой встрече поэт П.А. Вяземский. Известный американист, академик Н.Н. Болховитинов высказывал предположение, что благородные черты характера Франклина нашли отражение в образе Стародума из вышеупомянутой комедии Фонвизина «Недоросль».

В Нижне-Исетском жилом районе Екатеринбурга находится *улица Кутузова*. С именем Михаила Илларионовича Голенищева-Кутузова (1745–1813) связаны величие и слава русского оружия, победы России в русско-турецких войнах второй половины XVIII в. и в борьбе с наполеоновской агрессией. Великий полководец был еще и одним из виднейших дипломатов своего времени. Дипломатическая деятельность Михаила Илларионовича охватывает почти два десятилетия и отличается большим разнообразием выполненных на этом поприще поручений. В 1792–1793 гг., после окончания очередной русско-турецкой войны и заключения Ясского мирного договора, Кутузов был направлен со специальной миссией в Константинополь (Стамбул) в качестве чрезвычайного и полномочного посла. Там, противостоя опасности возобновления Турцией войны, к чему ее подталкивали западные дипломаты, он сумел добиться выполнения условий Ясского договора и наладить нормальные отношения между Россией и Османской империей (Турцией).

В 1797 г. Кутузов был послан в Берлин для ведения переговоров о заключении союзного договора с Пруссией. Дважды, в 1796 и 1799 гг., он встречал на границе и сопровождал в Петербург шведского короля Густава IV Адольфа, а в 1800 г. вел военно-дипломатические переговоры со шведским генералом М. Клингскором по вопросу демаркации российско-

шведской границы. В 1805 г. Кутузов не только командовал русскими войсками, входившими в состав третьей антинаполеоновской коалиции, но и вел переговоры с австрийскими представителями о выполнении ряда пунктов их союзнических обязательств. Вершиной дипломатической деятельности Кутузова стало заключение в 1812 г. за 37 дней до начала наполеоновского вторжения в Россию Бухарестского мирного договора с Турцией.

Центральной улицей жилого района Химмаш является *улица Грибоедова*. Автор прославленной русской комедии «Горе от ума», поэт-драматург Александр Сергеевич Грибоедов (1795–1829) поступил на службу в Коллегию иностранных дел в 1817 г. В 1818–1821 гг. он был секретарем российской дипломатической миссии в Иране (Персии); в 1821–1826 гг. – секретарь «по иностранной части», а в 1826–1828 гг. – начальник дипломатической канцелярии царского наместника на Кавказе. Грибоедов являлся сторонником сближения своей страны с Ираном, боролся с враждебным России влиянием резидентов английской Ост-Индской компании в этой стране.

Во время русско-иранской войны 1826–1828 гг. Грибоедов участвовал в дипломатических переговорах с персидским правительством и выработал условия Туркманчайского мирного договора 1828 г. Еще до отъезда на переговоры в одном из рапортов главнокомандующему российскими войсками на Кавказе И.Ф. Паскевичу Грибоедов писал о необходимости присоединения к России «областей Эриванской и Нахичеванской» и получения от шахского правительства значительной суммы за причиненный войной ущерб. Грибоедов подчеркивал, что «деньги – это также род оружия, без которого нельзя вести войну. Это не торг... даже не вознаграждение за претерпленные убытки: требуя денег, мы лишаем неприятеля способов вредить нам на долгое время». В ходе переговоров Грибоедов особенно много сделал для формулировки статей мирного договора, «охранявших интересы Армении».

По Туркманчайскому договору Эриванское и Нахичеванское ханства (Восточная Армения) вошли в состав России. Границей между Россией и Ираном стала река Аракс. Между сторонами устанавливались дипломатические отношения на уровне посланников и консульские отношения. Подтверждались преимущественное право России иметь военный флот на Каспийском море и свобода плавания там для русских торговых судов. Русским и персидским купцам предоставлялось право свободной торговли соответственно в Иране и в России. На Иран налагалась контрибуция в 20 млн. руб. серебром. Устанавливалась экстерриториальность российских подданных в Иране, за ними закреплялось право консульской юрисдикции на персидской территории. Правитель иранского Азербайджана Аббас Мирза признавался наследником престола в Иране. Большое значение договор имел для судеб армянского народа: после его подписания 140 тыс. армян переселились в Закавказье из Турции и Ирана, что положило начало объединению армянского народа в составе России.

После заключения мира с Персией А.С. Грибоедов лично доставил текст Туркманчайского договора в Петербург. Он был обласкан и щедро награжден Николаем I, знавшим о его значительной роли в подготовке договора. «Государю угодно меня пожаловать 4 тысячи червонцами, Анною с брил-

лиантами и чином статского советника», – писал Грибоедов из столицы генералу Паскевичу.

В мае 1828 г. А.С. Грибоедов был вновь послан в Иран в звании министра-резидента (посланника). Несмотря на все трудности внутривосточного и международного характера, в которых проходила дипломатическая деятельность Грибоедова, ему удалось в короткий срок достичь известных успехов. В октябре 1828 г. в Тавризе (Тебризе) он вручил Аббас Мирзе подписанный Николаем I текст мирного трактата. В Тегеране Грибоедов должен был урегулировать с персидским шахом Фатх Али отдельные вопросы, касавшиеся выполнения Туркманчайского договора. Немалые дипломатические усилия пришлось приложить Грибоедову, чтобы не допустить заключения союза шаха с турецким султаном. Такой союз мог бы привести не только к осложнениям в начавшейся войне России против Турции, но и к фактическому разрыву персидской стороной Туркманчайского договора.

Находясь в Тегеране, Грибоедов ясно видел усиливавшуюся враждебность шаха и его окружения к России. Существенную роль в этом играла английская дипломатия, встревоженная упрочением положения России в Закавказье, недовольная ростом русского влияния в Иране, склонностью наследника престола к ориентации на Россию.

Шах и противники Аббас Мирзы были заинтересованы в отзыве Грибоедова с дипломатического поста в Тегеране. Фатх Али шах не мог примириться с твердостью позиции российского посланника в отношении выполнения персидской стороной условий Туркманчайского договора, сроков и размеров выплаты контрибуции. Накануне отъезда русской миссии из Тегерана атмосфера враждебности вокруг Грибоедова особенно накалилась. Поводом послужило обращение к нему нескольких человек с просьбой оказать им помощь в возвращении на Кавказ, где они ранее проживали. В их числе были две женщины из гарема одного из ярых противников сближения с Россией – зятя шаха Аллаяр хана, а также Мирза Якуб, армянин родом из Еревана. В юности он был увезен отсюда персами, принял ислам, был оскотлен, стал ведать делами шахского гарема. Он был известен в Тегеране. Шах его отмечал, даже доверял составлять годовые отчеты о состоянии казны. Защита пленных, оказание им помощи в возвращении на родину входили в круг полномочий Грибоедова. Поэтому после выполнения определенных формальностей, уведомления персидской стороны он разрешил Мирзе Якубу до отъезда находиться в здании российского посольства. А это дало повод к разжиганию дикого религиозного фанатизма, поскольку Мирза Якуб был объявлен отступником от мусульманской веры, а Грибоедов – его защитником. На базарах, площадях, в мечетях Тегерана стали раздаваться призывы к разгрому российского представительства. Шахское правительство не могло не знать об этом. Но никаких мер по пресечению таких призывов или по усилению охраны здания представительства России принято не было. 30 января (11 февраля) 1829 г. фанатичная толпа устроила погром российской миссии в Тегеране, во время которого погиб почти весь персонал миссии, в том числе и А.С. Грибоедов.

Фатх Али шах заявил о полной непричастности к происшедшим трагическим событиям, попытался обвинить самого Грибоедова в кровавом инциденте.

те и использовать его для отказа от выполнения обязательств по Туркманчайскому договору. Подстрекаемый английской дипломатией, он даже намеревался вновь начать военные действия против России, выступив на стороне Турции. Однако, когда русские войска добились в 1829 г. ряда успехов в войне с Турцией, дипломатические отношения между Персией и Россией были сохранены.

Формальная версия непричастности шахского правительства к гибели Грибоедова была принята царем. Фатх Али шах принес официальные извинения Николаю I за тегеранскую трагедию, направив в этой цели в Петербург специальную миссию во главе с наследником престола Аббас-Мирзой, который привез царю дорогие подарки. Главным среди них был знаменитый алмаз «Шах», вывезенный в 1739 г. Надир-шахом из разграбленной им казны Великих Моголов в Дели, а ныне хранящийся в алмазном фонде России в Московском Кремле.

В центральной части Екатеринбурга, в Кировском районе расположена *улица Пушкина* (в прошлом – *Пушкинская*). В конце улицы, у входа в известный горожанам «Литературный квартал» находится памятник великому русскому поэту, установленный в связи с 200-летием со дня его рождения.

Единственным местом государственной службы А.С. Пушкина было Министерство иностранных дел Российской империи. Министр иностранных дел Российской Федерации И. С. Иванов, выступая в канун 200-летия А.С. Пушкина на церемонии возложения цветов к мемориальной доске на здании бывшего архива Коллегии иностранных дел России, где неоднократно бывал и работал Пушкин, в частности, сказал: «Мы, российские дипломаты, помним и гордимся тем, что великий поэт был нашим коллегой, в течение 12 лет Александр Сергеевич служил или, как говорили в то время, “числился по Министерству иностранных дел”».

На протяжении всей жизни А.С. Пушкин соприкасался, иногда очень близко, с теми, кто был причастен к дипломатическому ведомству. Причем знакомства ранних лет в той или иной степени продолжались до конца его дней. Можно сказать, поэзия и дипломатия сплелись воедино в судьбе Пушкина.

Первым директором Царскосельского лицея, в котором учился Пушкин, был В.Ф. Малиновский, ранее находившийся на дипломатической службе, автор ряда сочинений в области международного права. В начале 20-х гг. XIX в. его брат, историк А.Ф. Малиновский возглавил Московский архив Коллегии иностранных дел, который неоднократно посещал А.С. Пушкин. А.Ф. Малиновский был старинным знакомым родителей А.С. Пушкина. Жена А.Ф. Малиновского была посаженной матерью на свадьбе поэта, где присутствовали и архивисты – друзья А.С. Пушкина.

В лицее старались уже в годы учения ознакомить юношей с дипломатической документацией. В 1816 г. директору лицея (в то время уже Е.А. Энгельгардту) разрешили, по его просьбе, выдавать «дипломатические бумаги старых лет для приучения воспитанников к составлению из оных выписок». Преподавателем истории в лицее в пушкинские времена был И.К. Кайданов – автор многих учебных пособий, в том числе «Краткого изложения дипломатии российского двора со времени восшествия на престол дома Романовых».

По окончании Царскосельского лицея А. С. Пушкин был определен переводчиком в Коллегию иностранных дел – первое государственное учреждение в России, куда поступление на службу с начала XIX в. обуславливалось образовательным цензом. Прямым начальником Пушкина был статс-секретарь, граф Иоанн (Иван) Антонович Каподистрия (Джованни Капо д'Истрия), управляющий азиатскими делами Министерства иностранных дел России в 1815–1822 гг.

Здесь следует пояснить, что одновременно с манифестом Александра I от 8 сентября 1802 г. о создании Министерства иностранных дел был издан императорский указ, временно сохранявший штаты упраздненной Коллегии иностранных дел (созданной Петром I в 1717 г.), но изменявший руководство ею. Отныне оно осуществлялось министром иностранных дел. Что касается роли коллегии, то она стала сходить на нет в связи с постепенным формированием собственно министерского управленческого персонала. Смещение двух структур – коллегии и министерства – приводило к большим проволочкам, путанице, к малой ответственности за ведение дел. Поэтому сферу деятельности коллегии ограничивали делами российских подданных за границей, иностранцев в России, текущими, в том числе административно-хозяйственными, вопросами. Коллегия иностранных дел окончательно была упразднена указом Николая I от 10 апреля 1832 г.

В 1824 г. служба Пушкина в российском ведомстве по иностранным делам была прервана. 11 июля министр иностранных дел России граф К.Р.В. Нессельроде, занимавший свой пост более 40 лет, в письме наместнику Бессарабской области графу М.С. Воронцову сообщил, что император Александр I согласился «избавить» его от Пушкина, ибо тот «слишком проникся вредными началами, так пагубно развившимися при первом вступлении его на общественное поприще. Вследствие этого е.в. в видах законного наказания, приказал еще исключить его из списков чиновников МИД за дурное поведение». Пушкин был сослан в Михайловское и возвращен из ссылки только в августе 1826 г. новым императором Николаем I.

А.С. Пушкин писал: «Уважение к минувшему – вот черта, отличающая образованность от дикости... Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно; не уважать оной есть постыдное малодушие». В июле 1831 г. он просит императора Николая I о допущении его в архивы с целью «исполнить давнишнее желание – написать историю Петра Великого и его наследников до государя Петра III». На это последовала резолюция царя, записанная Бенкендорфом: «Написать гр. Нессельроде, что государь велел его принять в Иностранную коллегию с позволением рыться в старых архивах для написания истории Петра Первого». 3 сентября 1831 г. в письме к П.В. Нащокину Пушкин сообщает: «Царь взял меня в службу и позволил рыться в архивах для составления Истории Петра I. Дай Бог здоровья царю»¹⁰. Получив «милостивое разрешение» императора, Пушкин в феврале 1832 г. приступает к работе в Московском главном архиве Коллегии иностранных дел.

¹⁰ В сентябре 1831 г. Пушкин был назначен официальным историографом с окладом 5000 руб. в год и из коллежских секретарей произведен в титулярные советники (чиновник IX класса Табели о рангах), получив право на обращение «Ваше благородие».

Этот архив был создан в 1720 г. по указу Петра I из материалов Посольского приказа и других архивов. После упразднения Коллегии иностранных дел в 1832 г. ее московский архив стал называться Московским главным архивом Министерства иностранных дел Российской империи. Именно здесь Пушкин, неоднократно приезжая в Москву, черпал сведения о прошлом России, работая над «Историей Петра I». Следственное Углическое дело царевича Дмитрия, рукописи времен Бориса Годунова – все это и многое другое вдохновляло творческое воображение поэта. Здесь он работал с бумагами Екатерины II, Никиты Панина, Разумовских, архивными материалами по истории Пугачевского бунта, изучал факты, явления, события, стараясь глубоко проникнуть в эпоху, выбирая из истории сюжеты для своих драм, повестей, стихов.

Во времена Пушкина образованная аристократическая молодежь не считала для себя зазорной службу в архиве МИДа, работу с историческими документами. В 1817 г. великий Н.М. Карамзин в «Записке о московских достопамятностях» писал: «Архив Коллегии иностранных дел есть один из богатейших в Европе». Архив прослыл в ту пору «сборищем блестящей московской молодежи».

Первым читателям «Евгения Онегина» многое говорили пушкинские строки о появлении Татьяны Лариной в московском свете:

*«Архивны юноши толпою
На Таню чопорно глядят
И про нее между собою
Неблагодарно говорят».*

«Архивные юноши» были тогда в чести не менее, чем гвардейцы времен Екатерины II. 20-30-е гг. XIX в. связаны со службой в Московском архиве группы интеллигентных молодых людей, выпускников Московского университета, которые пришли на смену «благородным отпрыскам», не особенно обременявшим себя работой и не оставившим следа в истории.

В набросках середины 1830-х гг., предварявших «Египетские ночи», Пушкин замечает об одном из присутствующих (правда, не без иронии): «...Из тех людей, одаренных убийственной памятью, которые все знают и все читали, и которых стоит только тронуть пальцем, чтоб из них полилась их всемирная ученость». Прототипом героя был писатель и дипломат В.П. Титов, ставший впоследствии российским посланником в Османской империи, а затем в Вюртемберге. В 1820-х гг., когда он познакомился с Пушкиным, Титов принадлежал к философско-литературному кружку «любомудров», состоявшему в значительной части из молодых служащих московского архива МИД. Их-то и называли в светских кругах «архивными юношами». Позднее Пушкин сблизился с литературно-политическим кружком «Зеленая лампа», состоявшим в основном из его сослуживцев по Коллегии иностранных дел, одним из которых был и А.С. Грибоедов.

Кстати, Московский главный архив Коллегии иностранных дел, в котором работал Пушкин, помещался в доме, принадлежавшем ранее главе Посольского приказа в конце XVII в. дьяку Е.И. Украинцеву. Здесь он вел переговоры с иностранными дипломатами, принимал послов. Дом сохранился до наших дней. Расположен он в районе Ивановской горки по адресу: Хохловский (от слова «хохлы», как в России часто называли украинцев) переулок, 7.

В XVII в. в этом месте селились выходцы с Украины и располагалось Малороссийское подворье, превратившееся в целую слободу.

Состоявшееся 31 декабря 1833 г. назначение А.С. Пушкина в царские камер-юнкеры тяготило поэта обязанностью бывать со своей юной женой на всех придворных балах. 25 июня 1834 г. он подал через Бенкендорфа прошение об отставке, но с просьбой не лишать «дозволения посещать архивы». 30 июня Бенкендорф известил Пушкина, что «Е.И.В., не желая никого удерживать против воли, повелел мне сообщить вице-канцлеру (министру иностранных дел Нессельроде. — В. К.) об удовлетворении вашей просьбы», но тут же прибавил, что государь «не изъявил своего соизволения» на продолжение работы в архивах, так как «право сие может принадлежать единственно людям, пользующимся особенною доверенностию начальства». Это было жестоким ударом. Николай I, не желавший отпускать поэта со службы при дворе и предоставлять его самому себе, знал что делал: Пушкин без архивов не мог продолжить свои исторические занятия, в которые он успел влезть с головой.

После долгих размышлений А.С. Пушкин в конце концов вынужден был покориться силе обстоятельств. Летом 1835 г. он пишет: «Предаю совершенно судьбу мою в царскую волю, и желаю только, чтобы решение е.в. не было для меня знаком немилости и чтобы вход в архивы... не был мне запрещен». В целом поэт не оправдал царских надежд как придворный историограф: для создания официозной истории Петра Великого он не мог принести в жертву свою внутреннюю свободу, свои убеждения. Как пишет историк М.А. Рахматуллин, «основательные занятия Пушкина историей Петровской эпохи привели его к выводам, явно не отвечающим представлениям венценосного потомка великого реформатора».

Круг дипломатов, как российских, так и иностранных, был постоянной средой общения Пушкина, особенно в последние петербургские годы жизни. Из писем и дневников того времени явствует, что в дипломатических кругах к Пушкину прислушивались и сам он дорожил обществом иностранных представителей. «Слушая его рассуждения об иностранной или внутренней политике его страны, — писал, знавший Пушкина, польский поэт Адам Мицкевич, — можно было принять его за человека, посевшего в трудах на общественном поприще и ежедневно читающего отчеты всех парламентов».

Гибель Пушкина на дуэли с приемным сыном голландского посланника барона Геккерена Дантесом нашла отражение в переписке иностранных представителей в России. В отличие от многих царских придворных дипломатический корпус Петербурга был на похоронах Пушкина почти в полном составе, о его трагической гибели сообщалось в дипломатических депешах.

Из первых выпускников Царскосельского лицея, однокашников Пушкина, в 1817 г. семерых определили служить в Коллегии иностранных дел: среди них, кроме Пушкина, — будущий декабрист и литератор В.К. Кюхельбекер, С.Г. Ломоносов, ставший потом высокопоставленным дипломатом, и князь Александр Михайлович Горчаков, министр иностранных дел России в 1856–1882 гг., которому Пушкин еще в лицее дал кличку «Дипломат». Великий поэт посвятил А.М. Горчакову несколько стихотворений, предсказав блестящее будущее:

«Тебе рукой Фортуны своенравной

*Указан путь и счастливый и славный...
Чтоб в лаврах и венцах сиял,
Чтоб в битвах гром из рук метал
И чтоб победа за тобою,
Как древле Невскому герою,
Всегда, везде летела вслед...».*

По словам министра иностранных дел Российской Федерации И.С. Иванова, «Великий поэт, историк, публицист А.С. Пушкин был и великим гражданином своей Родины. В отечественной словесности он стал реформатором такого же масштаба, как его лицейский друг А.М. Горчаков – в дипломатии».

В юго-западной части Верх-Исетского района расположена **улица Огарева**. Русский революционер-демократ, поэт и публицист, философ-материалист, друг и сподвижник А.И. Герцена Николай Платонович Огарев (1813–1877) в молодые годы служил в Московском архиве Коллегии иностранных дел России. По ходатайству двоюродного брата отца, сенатора Н.И. Огарева молодой Николай Огарев был зачислен в архив на должность «актуариуса» 11 января 1832 г. Это, кстати, произошло как раз в то время, когда разрешение работать в архиве получил А.С. Пушкин, а директором архива был вышеупомянутый А.Ф. Малиновский (как отмечалось, после упразднения Коллегии в апреле 1832 г. архив стал называться Московским главным архивом Министерства иностранных дел).

Зачисление Н.П. Огарева на службу в Московский архив поначалу было произведено как «сверхкомплектное». Несколько позже Огарева перевели на вакансию переводчика в том же архиве. Будучи сыном богатого помещика, он служил без жалования и, как отмечается в одном из документов той поры, «делом занимался мало». Работа актуариуса и переводчика Огарева в архиве продолжалась недолго: с июля 1834 г. он содержался под арестом, а в апреле 1835 г. был сослан в Пензу за участие в публичном чтении и пении «пасквильных» стихов и песен.

В Верх-Исетском районе Екатеринбурга расположен и **переулок Гончарова**. Биография известного русского писателя Ивана Александровича Гончарова (1812–1891), оказывается, тоже тесно связана с историей отечественной дипломатии. В 1852–1854 гг. Гончаров был секретарем важной дипломатической миссии во главе с адмиралом Е. Путятиным, направленной российским правительством на Дальний Восток с целью установления отношений с Японией. В ходе десятимесячного плавания к берегам Японии на фрегате «Паллада», которое Гончаров описал затем в своих путевых очерках, объединенных под общим названием «Фрегат “Паллада”», российская миссия побывала в Великобритании, на Мадейре, островах Зеленого Мыса, в Капской колонии на юге Африки, Голландской Индии, Сингапуре, Гонконге, Шанхае, на Филиппинах и других островах Тихого океана.

После посещения некоторых портовых городов Китая Гончаров писал, что обращение англичан с китайцами и с другими, особенно подвластными им, народами «повелительно, грубо или холодно презрительно, так что смотреть больно. Они не признают эти народы за людей...». Гончаров отметил, что анти-

маньчжурское восстание тайпинов в Китае, «как удар землетрясения, почувствуют Гонконг, Сингапур, Индия, Англия и Соединенные Штаты».

Впервые увидев жителей Страны восходящего солнца, Гончаров написал о японцах: «...Хотя носят по две шпаги (самурайские мечи. – *В. К.*), но трусливы и раболепны, учтивы и мягки, пальца однако ж класть в рот нельзя: лукавы и злопамятны... Жители этой страны очень замкнуты, и это обусловлено островной изолированностью. Японцы очень подозрительны, боязливы, к любому делу, чужим людям и ко всему новому относятся с недоверием... Японец никогда прямо не стоит, не ходит, а полусогнувшись, руки постоянно держит наготове и смотрит, нельзя ли кому поклониться... У них, кажется, в обычае казаться при старшем как можно глупее, и оттого тут много лиц, глупых из почтения. Если губернатор и казался умнее прочих, так это потому, что он был старше всех... Вообще не видно почти ни одной мужественной, энергичной физиономии, хотя умных и лукавых много»..

«С другой стороны, – отмечал Гончаров, – они веселы, игривы. У них куча способностей, дарований». Он обращал внимание на такие качества японцев, как взаимопомощь, сплоченность, единство, необходимые в борьбе с врагом. Он пишет о них, как о единой нации, характеризует как патриотов своей страны.

Характеризуя изолированное положение Японии в мире в середине XIX в., Гончаров писал: «Вот этот запертый ларец с потерянным ключом... Вот многочисленная кучка человеческого семейства, которая ловко убегает от ферулы цивилизации, осмеливаясь жить своим умом, своими уставами, которая упрямо отвергает дружбу, религию и торговлю чужеземцев... Японцы не дарят и не показывают материи, чтоб не привлекать на свое добро чужих взглядов и отбить охоту торговать... “Торговля у нас дело новое, – говорили японцы, – надо подумать, как, где, чем торговать...” Должно быть, в самом деле японскому глазу больно видеть чужие суда у себя в гостях... Они (японцы. – *В. К.*) не понимают, что Россия не была бы Россией, Англия Англией в торговле, войне и во всем, если б каждую заперли на замок. Не дети ли, когда думали, что им довольно только не хотеть, так их не тронут, не пойдут к ним даже тогда, если они потерпевших кораблекрушение иностранцев будут сажать в плен. Они думали что и все так будет, что (иностранцы державы. – *В. К.*) не доберутся до них, не захотят или не смогут».

Однако, с другой стороны, как отмечал Гончаров, «японский народ чувствует сильную потребность в развитии, и эта потребность проговаривается во многом. Притом он беден, нуждается в сообщении с другими. Порядочные люди... охают от скуки и недостатка жизни умственной и нравственной».

Гончаров посетил Японию после пребывания в Китае. Поэтому часто он произвольно сравнивал увиденное в Китае с тем, что он увидел в Японии: «Японцы очень живы и натуральны; у них мало таких нелепостей, как у китайцев; например, тяжелой, педантической, устарелой и ненужной учености, от которой люди дуреют... И те, и другие подозрительны. Недоверчивы, спасаются от опасностей за системой замкнутости, как за каменной стеной; у обеих одна и та же цивилизация. Японцы – отрезанные ломти китайской семьи, ее дети. Сравните японское воспитание с китайским: оно одинаково. Одна и та же древняя религия...».

Будучи православным христианином, Гончаров не обошел вниманием и религиозную сторону жизни японцев. «Правительство (Японии. – В. К.) боится, что христианская вера вредна для их законов и властей». По Гончарову, «развитая жизнь связана с христианскими духовными ценностями». Христианство, считал он, самая высшая и чистая из существующих религий.

Не касаясь содержания дипломатических переговоров, участником которых он был, Гончаров сообщил много деталей о том, как они проходили: «Тут бы следовало, кажется, говорить о деле, но губернатор просил прежде отдохнуть, бог ведает от каких подвигов... В самом деле устали от праздности. Это у них называется дело делать... По японским обычаям, при первом знакомстве разговоры о делах обыкновенно откладываются».

«Японцы предложили сидеть по-своему, на полу, на пятках, – описывал Гончаров ход переговоров. – Мы объявили, что не умеем так сидеть; а вот не хочет ли губернатор сидеть по-нашему, на креслах? Но японцы тоже не умеют сидеть по-нашему. Припомните, как угощали друг друга журавль и лисица, – это буквально одно и то же... Японцам хорошо сидеть на полу в просторном платье, проделывать все эти штуки: набивать трубку, закуривать углем, вытряхивать пепел; а нам каково со стула? Я опять вспомнил угощение лисицы и журавля... В Европе не жарко: мы ищем света и строим дома с большими окнами, сидим на возвышениях, чтоб быть ближе к свету; нам нужны стулья и столы. В Азии, напротив, прячутся от солнца: от этого окошек почти нет. Сама природа указывает возможность сесть там, где стоишь... Встать перед гостем у них невежливо. Мы снимаем шляпу в знак уважения, а они – туфли. Наши русые волосы и белые зубы им противны; у них женщины сильно чернят зубы». Какой замечательный, буквально зримый *диалог цивилизаций* отражен в этих словах русского писателя!

Гончаров описывал возможные результаты экспедиции Путятина – установление дипломатических и торговых отношений России с Японией – следующим образом: «Японцам остается как детям отдаться под руководство старших. Кто будут эти старшие? С одной стороны явилась толпа отважных и предприимчивых американцев, которые нелегко отказываются от надежд на успех, имея выгоду, с другой – стучится в заветные ворота горсть русских матросов... Судя по кратковременному наблюдению над этим народом, я заключаю, что с ним легче будет ладить европейцам (читай: русским. – В. К.). Японцы наполовину готовы к сближению с ними: они во многом уже цивилизованы, общительны, охотно увлекаются новизной».

На обратном пути с Дальнего Востока, возвращаясь в Санкт-Петербург по суше, Гончаров пересек всю Россию, проехав в 1855 г. и через Екатеринбург.

Итак, из вышесказанного следует, что в названиях целого ряда екатеринбургских улиц мы действительно можем увидеть весьма многообразное отражение самых различных этапов истории внешней политики России, становления и развития ее отношений с другими государствами, расположенными как на западе, так и на востоке, как в Европе, так и в Азии. Период советской внешней политики тоже оставил свои следы в названиях улиц Екатеринбурга. Однако эта история требует отдельного освещения.